

УДК 314.7

© Н. А. Пегин, Е. В. Галкин, 2011

**ИНТЕРЕСЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ И МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА
В ПРОВЕДЕНИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ
ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)**

Пегин Н. А. – канд. соц. наук, зам. губернатора ЕАО, e-mail: pegin@mail.ru;
Галкин Е. В. – асп., тел. 8-924-205-16-20 (ТОГУ).

В статье рассматриваются особенности реализации миграционной политики в одном из приграничных регионов России. Анализируются расхождения между представлениями различных групп населения по отношению к мигрантам, роль региональных элит в реализации миграционной политики в отношении Китая и китайских граждан, временно проживающих на территории региона.

The article deals with the peculiarities of pursuing the migration policy in one of the border regions of Russia. The authors analyse the differences between conceptions of migrants by various population groups, the role of regional elites in carrying on the migration policy toward China and Chinese nationals temporarily residing in the region.

Ключевые слова: региональные элиты, местное сообщество, государство, трудовая миграция, политическое регулирование.

Миграция и миграционная политика сегодня вновь оказываются в центре не только исследований, но и общественных дискуссий, ведущихся и на периферии страны, и в ее центре [1]. Особенно острой эта дискуссия становится на Дальневосточных землях России, из «кухонных разговоров» и академических проектов все более выплескиваясь в публичную сферу.

Причина проста: местное население, как в начале 90-х гг., вновь начинает активно мигрировать из региона. Причины «нового исхода» лежат за пределами нашего рассмотрения, но сам факт его фиксируется уже и официальной статистикой [2]. Образующиеся ниши заполняют выходцы из других стран с иной культурой. При всем том, что сама необходимость присутствия в регионе этих людей уже никем всерьез не оспаривается, осознание этого наличия как проблемы остается. При этом в разных слоях общества эта проблема осознается различно.

Пожалуй, наиболее ярко сама проблема и ее трансформация в различных социальных слоях проявляется в Еврейской автономной области. В силу ма-

лой территории и слабой заселенности, а также отсутствия значительных промышленных центров областное сообщество здесь отличалось до самого недавнего времени достаточно устойчивыми связями, отчасти воспроизводящими архаические общинные отношения [3]. Наличие компактной массы трудовых мигрантов (почти 90 % из них составляют граждане КНР) серьезно деструктурирует эти отношения. Это и делает переживание проблемы особенно острым, а значит, фиксируемым. Именно это и предопределило географические рамки описания.

Эмпирическим материалом, позволяющим, на наш взгляд, достаточно полно описать проблему миграции и восприятие ее местным сообществом, выступают три серии неформализованных интервью собранных С. А. Соловченковым, С. В. Мищук и автором в 2008–2010 гг. Общее число интервью – 27. Из них 19 интервью проводились по общему плану (биографические интервью), а 8 были экспертными, но связанными с осмыслением проблем миграции. В силу этого мы сочли возможным также использовать содержащуюся в них информацию.

По социальному составу респонденты делились на несколько групп. В группу «власть» (в основном, экспертные интервью) входили представители регионального правительства, работники миграционной службы, муниципальные служащие (7 интервью). В группу «бизнес» – руководители предприятий, использующих иностранных работников (всего 8 интервью). В трех интервью сами предприниматели использовали иностранных работников в незначительной степени. Зато эти ресурсы активно использовали их конкуренты. Оставшиеся интервью проведены с работниками тех сфер, где наиболее активно используются рабочие-мигранты («сообщество»). Понятно, что названия групп и само это разделение достаточно условны. Однако именно так распределялись позиции респондентов по отношению к иностранным мигрантам, их видение ситуации. Это видение мы и попробуем охарактеризовать в ходе дальнейшего изложения.

Общим моментом во всех интервью выступает признание необходимости привлечения китайских рабочих в область. Этот момент прослеживается в подавляющем большинстве интервью (в 25 из 27). Без привлечения китайских рабочих, по мнению респондентов, остановится строительство, лесозаготовка, возникнут проблемы в сельском хозяйстве и в службах ЖКХ. По словам респондентов, китайские рабочие трудолюбивы и непритязательны. В отличие от недавно появившихся в области иностранных рабочих из стран СНГ («безвизовых») китайцы гораздо более дисциплинированы, соблюдают установленные нормы. Как отметил один из респондентов-предпринимателей, «с китайцами всегда можно договориться».

Этим, пожалуй, сходства во взглядах на проблему ограничиваются, и начинаются расхождения. Так, на официальном уровне власть, в принципе, не видит здесь проблемы. Китайские рабочие приглашаются в соответствии с выделяемыми квотами. Они компенсируют недостаток трудовых ресурсов в области. При этом о «нелегальных мигрантах», т. е. лицах, нелегально пере-

секших границу, сегодня говорить не приходится. Правда, как отмечают сами респонденты, остается сфера административных нарушений, когда иностранные граждане работают не на тех предприятиях, которые запросили квоту. Контроль здесь трудноосуществим («Кто их в тайге сосчитает?»).

С точки зрения представителей региональной власти напряжение на рынке труда области в связи с появлением китайских рабочих не возникает [4]. Во-первых, их слишком мало для того, чтобы влиять на рынок труда. Во-вторых, они заполняют ниши, в которые граждане России не особенно стремятся.

При неформальной беседе признавалось, что часто предприниматели предпочитают китайских рабочих местным, поскольку «китайцы не пьют и меньше возбужают». Приведем типичную точку зрения: *«Наши в селах уже давно спились, все пораспродали. Работать не хотят, да и не умеют уже. Китайцы здесь для нас, как спасение какое-то. Они работают. Вот, урожай сои у нас уже третий год растет. Это – китайцы»* (работник областной администрации, 49 лет, образование высшее).

Вина за наличие административных нарушений, по мнению этой группы респондентов, лежит, прежде всего, на предпринимателях, которые «заказывают» рабочих больше, чем им реально нужно. В результате те вынуждены устраиваться на другие производства, что существенно затрудняет контроль и уменьшает налоговые отчисления, поскольку эта работа часто осуществляется посредством устного найма. Часть вины респонденты-работники государственного и муниципального управления возлагают на федеральные власти и проводимую ими политику.

Наряду с разумными изменениями в административном кодексе (2007 г.) есть и те, которые связаны с особенностями миграционной ситуации «на Западе», с преобладанием трудовых мигрантов из стран СНГ. Задача этих новаций – обеспечить легальный статус, минимизировать возможность проникновения этнического криминала, интегрировать иностранных рабочих в принимающее сообщество, растворить их в нем. Миграционные правовые акты в минимальной степени учитывают реалии Дальнего Востока и особенно ЕАО с абсолютным преобладанием китайцев среди гастарбайтеров. Здесь, по мнению респондентов, проблема состоит не столько в легальном статусе и противодействии криминалу, сколько в последовательной защите экономических интересов страны и ее граждан.

Несколько иную тональность имеют интервью тех работников администрации, которые связаны с «социальным» и «экологическим» блоками. Здесь тоже признавались исключительные качества китайских рабочих, которые соглашались работать до 18 часов в сутки, крайне неприхотливы в отношении к бытовым условиям. Но область «негатива» в этих интервью была намного шире. Граждане России в описании этих респондентов не выдерживают конкуренции с китайскими рабочими и вытесняются из тех секторов, в которых работают китайцы. Соотношение 25 % китайцев к 75 % соотечест-

венников выдерживается, по их словам, только «на бумаге». Реально же китайцы занимают более 80 % вакансий на этом рынке.

Более того, вытеснив из данных сфер (строительство, сельское хозяйство, лесозаготовки) российских работников, китайцы постепенно начинают вытеснять и своих «хозяев». Через систему кредитов, инвестиций и заказов китайские предприниматели сначала становятся совладельцами, а потом и реальными собственниками предприятий с преобладанием рабочих-китайцев. При этом они остаются добросовестными налогоплательщиками. Формальных оснований для приостановки деятельности их предприятий нет. Однако социальное напряжение в районах, где преобладают такие фирмы, стремительно возрастает. Вытесняются уже не только работники, но и инженерный корпус, менеджмент.

Есть, по мнению респондентов, и прямая угроза экономической безопасности страны. Эти фирмы с потребностей рынка ЕАО и Дальнего Востока, практически сразу переориентируются на рынок северных районов КНР. Тем самым территория ЕАО втягивается в экономическое пространство сопредельного государства, «отрываясь» от экономического пространства Дальнего Востока и России. Область же, выигрывая в краткосрочной перспективе, *«проигрывает будущее»*.

Еще более категоричны «экологи». С их точки зрения, китайские предприятия наносят непоправимый вред природному комплексу области.

Данную ситуацию эксперты обозначают как *«уничтожают все вокруг», «если человек временный, то он так и относится к территории»*. Основной причиной в сложившейся ситуации (особенно в ресурсодобывающих отраслях) эксперты называют отсутствие нормативной базы (федерального уровня), позволяющей как регулировать вопросы природопользования иностранными рабочими, так и применять при необходимости штрафные санкции.

Иная тональность прослеживается в интервью с предпринимателями. С их точки зрения, и этот момент есть во всех интервью, обойтись без китайских рабочих сегодня область не может. Предприниматели не отрицали, что они охотнее возьмут на работу китайца, чем соотечественника. В качестве мотива, диктующего такое решение, назывались не только позитивные качества китайских работников, но и негативные стороны работников из ЕАО. По мнению предпринимателей, местные работники намного менее эффективны, чем китайские. Однако и с китайскими рабочими, по мнению предпринимателей, существуют проблемы. Правда, эти проблемы скорее связаны с получением разрешения на ввоз китайских работников. *«Есть два способа получить квоту на ввоз китайцев. Один – убедить чиновника, что таких работников, как мне нужны, у нас в «еврейке» нет. Здесь будет много проблем. Начнут твердить, что такие работники есть, что целое ПТУ таких готовит. То, что мне такие не нужны, что они работать не умеют, никому не объяснишь. Есть работник – значит, китайца не завезешь. Есть вариант проще – дать взятку»* (предприниматель, 41 год, образование высшее).

Вполне понятно, что большая часть опрошенных предпринимателей предпочитала второй вариант. При этом подобная операция воспринималась именно как форма «совершенствования» наличного законодательства. Местные работники при этом однозначно оценивались, как «негодные». А китайцы как «спасители» и бизнеса, и экономики области в целом. Однако при интервью с предпринимателями, не использующими китайских работников, обнаружилось несколько «нестандартных схем», функционирующих на этом рынке.

Во-первых, квота на завоз иностранных (китайских) рабочих, полученная за взятку, достаточно слабо связана с реальной потребностью. Соответственно, при наличии тесных контактов с лицами, ответственными за выдачу квот, возникала возможность «торговли китайскими рабочими». «Лишние» работники небезвозмездно переходили к другим работодателям. При этом используется форма «устного найма». Иными словами, сам факт работы на ином предприятии нигде не фиксируется.

В одном из интервью отмечается, что существуют «предприятия» специализирующиеся только на этом виде деятельности. Они выступают своего рода «кошельком» местных администраций. Последние не берут взятку напрямую, но создают благоприятный режим получения квот для конкретного предприятия. Остальные предприятия области, нуждающиеся в иностранной рабочей силе, вынуждены «идти на поклон» к привилегированному предприятию. Само же предприятие оказывается на диво «социально ответственным», участвуя в финансировании проектов администрации.

Китайские рабочие в этих условиях оказываются «подарком» для работодателя. Они не фиксируются (не всегда фиксируются) в официальной отчетности. Соответственно, избавляют предпринимателя от необходимости платить НДФЛ, социальные выплаты. Даже если заработная плата китайского работника в этих условиях оказывается равной зарплате гражданина России, для работодателя он оказывается выгоднее. Зачастую, будучи оформленным на одну зарплату, китайский работник «на руки» получает другую. В зависимости от соотношения номинальной и реальной зарплаты это может быть и формой уклонения от налогов, и способом увеличения собственной зарплаты [5].

Однако высказывалась и иная трактовка ситуации [6]. Причем именно она была распространена и среди властных лиц, и среди работодателей. Получение квот, по сути, является не столько экономическим, сколько политическим жестом. В зависимости от политической конъюнктуры квоты могут быть уменьшены или увеличены. Соответственно, предприниматели (работодатели), заинтересованные в обеспечении производства рабочей силой, предпочитают «просить рабочих впрок» в расчете на то, что «дадут меньше». В условиях, когда запрос выполняется в полном объеме, на предприятии «повисают» лишние работники. Здесь и возникают все описанные выше коллизии.

Не все «гладко» обстоит и с высокими деловыми качествами китайских работников в противовес низким деловым качествам соотечественников. В

ряде интервью отмечалось, что китайские работники выгоднее работодателям и администрации в ином отношении. Наличие иностранных рабочих существенно снижает социальную нагрузку на предприятия и местные власти. В отличие от соотечественников, большая часть китайских рабочих не ориентирована на долговременное проживание. Во всяком случае, до самого недавнего времени. Соответственно, они не нуждаются в детских садах, школах, в минимальной степени используют больницы и т. д. Социальные выплаты и налоги в условиях устного найма и постоянно возрастающей налоговой нагрузки на предприятия у китайских работников намного меньше.

Местные работники, местные жители, включенные в формальные институты и неформальные связи, гораздо сильнее «нагружают» и социальную инфраструктуру, и предприятия. При этом в профессиональном отношении они не хуже своих иностранных коллег. Однако для того, чтобы использовать «китайский ресурс» необходимо обосновать обратное. Так и формируется дискурс о тотальном пьянстве и профнепригодности жителей ЕАО. С помощью этого дискурса, ставшего само собой разумеющимся, местные работники, по существу, вытесняются из определенных сфер занятости. С помощью этого дискурса обосновываются квоты на ввоз иностранных рабочих, приоритет китайских работников перед местными и т. д. В интервью, взятых у местных жителей, проживающих в сельской местности и связанных с сельским хозяйством, этот мотив прослеживается совершенно отчетливо.

«Китайцы вытесняют нас. Уже почти выгоняют из своего дома. И всем плевать. Они всем удобны. Пашут, как муравьи, и ничего им не надо. В вагончике набьется тридцать штук, и нормально. Посмотри, в поле ни одного нашего не увидишь. Люди хотят работать. Так нет. Только китайцы. Мы, говорят, бухаем только. Ага. Им так удобно говорить» (житель Смидовичского района ЕАО, образование среднее, 48 лет).

Заметим, что в условиях крайне узкого рынка труда сельскохозяйственной области столкновение между местными и приезжими кажется почти неизбежным. Однако ни один из респондентов не упомянул об открытых конфликтах между местным населением и приезжими рабочими из сопредельного Китая. С другой стороны, взаимоотношения с приезжими из «безвизовых» стран СНГ достаточно часто порождают конфликтные ситуации и на бытовой, и на экономической почве.

Причина, на наш взгляд, состоит в том, что приезжие из Центральной Азии и Закавказья вливаются в существующую структуру, начинают жестко конкурировать с местным населением не только на низовом уровне (за рабочие места низкой квалификации и уровня оплаты), но и на уровне менеджмента, административного руководства. Наличие жестких неформальных связей и использование полукриминальных систем налаживания отношений делает их вполне конкурентоспособными в отношении с местными жителями. Жесткость конкуренции задает и напряженность конфликта, выливающегося порой в открытое противостояние (конфликт в 2010 г. в Октябрьском

районе ЕАО между местными жителями и приезжими из республик Северного Кавказа).

Китайцы используют иную социально-экономическую стратегию. Причем, по мнению респондентов, это именно осознанная стратегия, а не случайно сложившийся набор поведенческих стереотипов. *«Они же все заодно. А финансирует их государственный банк. Это такая осознанная политика. Сначала рабочие, потом предприниматели. А там и, смотришь, оно уже не наше, а китайское»* (преподаватель вуза, бывший военный, 51 год).

При всем том, что никаких враждебных проявлений со стороны китайских мигрантов не наблюдается, во всяком случае, о них никто не говорил, напряженность имеет место. По интервью картина вырисовывается следующая. Сначала прибывают китайские рабочие, которые вытесняют местных работников, ставя, по сути, хозяев предприятий в зависимое положение. *«Если сегодня уедут китайцы, то завтра все строительство в области станет. Заменить их некому»* (глава строительной организации, 43 года, образование высшее). После этого появляются китайские бизнесмены, предлагая российским партнерам «рационализацию» производства. В качестве такой «рационализации» предлагается переориентация на китайский рынок и инвестиции со стороны партнера [7].

При этом дается понять, что принятие предложения приведет к немедленному расцвету, а его отвержение к серьезным проблемам с китайскими работниками. Предприятие юридически или фактически становится совместным. Китайский партнер занимается производством и сбытом, а его российский коллега обеспечивает контакты с властями и легальную форму существования бизнеса. Создание такой «правовой рамки», как отмечал В. Радаев [8], – крайне важная функция на предприятии. Но все более важной оказывается функция собственно организатора производства и сбыта. Более того, постепенно функция поддержания «легального тела» предприятия переходит к китайскому партнеру. Предприятие, вне зависимости от правового статуса и формального собственника, становится китайским, ориентированным на китайский рынок и китайскую же рабочую силу.

Еще пессимистичнее местные жители, не включенные в научную сферу. По их мнению, в области уже сформировалась структура, которая может существовать только с опорой на прилегающие территории Северного Китая. Более того, сфера «применения» китайского бизнеса в области постоянно расширяется. Это уже не только природные ресурсы (необходимые КНР), строительство и ЖКХ (необходимые жителям области). В 2010 г. было принято правительственное решение об использовании китайских рабочих и сотрудничестве с китайскими предпринимателями в сфере легкой и перерабатывающей промышленности. Иными словами, число «зависимых» областей расширилось, охватив все значимые сферы ЕАО. На вопрос о перспективах области через двадцать лет типичным был следующий ответ *«Не будет области, к сожалению. Максимум протянет лет 5–8 и станет какой-нибудь Маньчжурией»* (предприниматель, 43 года, образование высшее).

Библиографические ссылки

1. Григорьев М., Осинников А. Нелегальные мигранты в Москве. – М., «Европа», 2009.
2. Социально-экономическое положение России // Янв. 2009–март 2010 гг.
3. Бляхер Л. Е., Соловченков С. А. Специфика трансформации рынка труда депрессивного региона (на примере Еврейской автономной области) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 12. – Выпуск 1. – 2009.
4. Мицук С. Н. Современные миграционные процессы в Еврейской автономной области // Труды IV Всероссийского симпозиума по экономической теории. – Том 3. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010.
5. Барсукова С. В. Формальное и неформальное трудоустройство в России: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // Социологические исследования. – № 7. – 2003.
6. Заусаев В. К. Стратегический план устойчивого социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2025 г. – Хабаровск, 2009.
7. Мицук С. Н. Совместные предприятия с участием КНР на территории ЕАО // Мат-лы док. науч. семинара, посвящ. 350-летию похода Е. П. Хабарова «Российское Приамурье: История и современность». – Хабаровск, 1999.
8. Радаев В. В. Социология рынков: К формированию нового направления. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003.